

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

Архитектура, градостроительство, дизайн

УДК 72.036(470.313)

DOI 10.23968/1999-5571-2023-20-6-5-12

© О. А. Сухорученко, магистрант
© И. А. Юдаев, ст. преподаватель
(Рязанский институт (филиал) Московского
политехнического университета, Рязань, Россия)
E-mail: ksenia.dsgn@gmail.com, yudaev.igor@mail.ru

© О. А. Sukhoruchenko, undergraduate
© I. A. Yudaev, senior lecturer
(Ryazan Institute (branch) of Moscow
Polytechnic University, Ryazan, Russia)
E-mail: ksenia.dsgn@gmail.com, yudaev.igor@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОДХОДОВ К НОВОЙ ЗАСТРОЙКЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ РЯЗАНИ

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF KEY APPROACHES TO NEW DEVELOPMENT IN THE HISTORICAL CENTER OF RYAZAN

Приведен краткий обзор основных подходов к работе с городским контекстом, которыми руководствовались архитекторы при размещении новых объектов в историческом центре Рязани в разные десятилетия XX в. Показаны знаковые рязанские кейсы как часть общероссийских (общесоюзных) трендов, смены идеологических и стилевых парадигм, которые можно описать как колебания между традиционалистским и радикально модернистским подходом. Затронута тема эволюции отношения архитекторов и государственных органов к вопросу сохранения архитектурного наследия, а также даны рекомендации в части совершенствования градостроительных регламентов.

Ключевые слова: Рязань, историческая среда, региональная архитектура, контекст.

The article provides a brief overview of the main approaches to working with the urban context the architects were guided by when placing new architectural objects in the historical center of Ryazan in different decades of the 20-th century. Significant Ryazan cases are regarded as part of all-Russian (all-Union) trends, changes in ideological and stylistic paradigms, which can be described as fluctuations between traditionalist and radical modernist approaches. The topic of the evolution of the attitude of architects and government bodies to the issue of preserving architectural heritage is touched upon, and recommendations are given regarding the improvement of urban planning regulations.

Keywords: Ryazan, historical environment, regional architecture, context.

Введение

Архитектурная среда живого города неизбежно подстраивается под трансформирующиеся реалии. А компактность как неотъемлемое свойство городского пространства предполагает, что новые объекты будут появляться на уже застроенных территориях. Реакцией на это нередко становятся неприятие новых объектов и социальный конфликт. Максимальное внимание горожан привлекают кейсы, связанные с исторической средой. Здесь, помимо субъективной оценки ценно-

сти уже существующей среды, важную роль играют формальные градозащитные регламенты.

Центр Рязани с 2020 г. включен в перечень исторических поселений регионального значения, что предполагает, в частности, воссоздание утраченных объектов и регламентацию облика новых зданий: предлагается выполнять их архитектурно-стилевое решение в духе классицизма, модерна, эклектики, русского стиля и советского неоклассицизма, применять скатные крыши и клас-

сический фасадный декор¹. Тем самым в качестве метода интеграции нового объекта в историческую среду заявлены мимикрия и воплощение представления об усредненном историческом здании.

Буквальной реализацией данных принципов стала реконструкция кафе «Снежинка» (ул. Ленина, 55) в 2022 г., когда на месте кафе-«стекляшки» 1960-х гг. было возведено новое здание в эстетике парковых павильонов XVIII в. Проект встретил резкое неприятие у горожан, архитектурного и градозащитного сообществ, что стало поводом для публичной дискуссии о регламенте исторического поселения: критиковалась установка на мимикрию, идеологически противоречащая Венецианской реставрационной хартии², предостерегающей от фальсификации исторической документальности. Как альтернатива приводилась современная контекстуальная архитектура, не буквально цитирующая историческое окружение, примеры которой можно увидеть в центрах европейских городов, имеющих статус объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО³. Указывалось и на то, что пласт архитектуры «советского модернизма», игнорируемый регламентом исторического поселения, является важной частью современного городского контекста.

Как видно, выполнение требований, описанных в документе об историческом поселении города Рязани, не гарантирует бесконфликтную интеграцию новой застройки в историческую среду. В этом контексте целью исследования является поиск оптимальных подходов к проектированию новых объектов в сложившейся исторической застройке с целью последующего совершенствования градостроительных регламентов. Предлага-

ется рассмотреть многообразие подходов к данному вопросу, которым характеризуется история XX в., и оценить результат их применения в городе Рязани с точки зрения гармоничности сложившейся в итоге среды.

Чтобы понять, как менялись подходы архитекторов и городских управленцев к перестройке исторического центра Рязани, обратимся к наиболее ярким и характерным постройкам и ансамблям, делая акцент на их отношении к городскому контексту; проследим, насколько средовые характеристики данных объектов были производными от современных им культурной и политической рамок.

Обсуждение

Начало XX в. — время стремительной индустриализации, урбанизации, небывалых ранее темпов и объемов строительства. В связи с этим формируется знакомый нам градозащитный дискурс: критике общества, сформировавшегося вокруг журнала «Мир искусства», подвергались «огромные и уродливые» доходные дома, возводившиеся на месте классических особняков [1]. Вплоть до середины XIX в. основным заказчиком архитектуры выступают государство и дворяне, а архитектура классицизма и ампира выражает устойчивость и стройность государственного порядка. С отменой крепостного права и развитием капитализма формируется новая элита — буржуазия. Функцией архитектуры становится выражение индивидуальности заказчика.

Рязань до Октябрьской революции 1917 г. оставалась городом консервативным, тяготеющим к классицизму и эклектике. Единственной «скандальной» постройкой начала XX в. стал подражающий особняку А. И. Кекушевой дом купца П. Ф. Лебедева в стиле романтизированной эклектики с элементами модерна (ул. Полонского, 13), подвергнутый критике в прессе за излишнее выделение на архитектурном фоне города [2].

Первые послереволюционные годы в России — время торжества авангарда и модер-

¹ Кузнецова А. Преодолевая стены. URL: <https://archi.ru/tech/96748/preodolevaya-steny> (дата обращения: 26.10.2023).

² Мамаева О. Московский хайвэй: как создавался и что символизировал Новый Арбат. URL: <https://realty.rbc.ru/news/598851e39a7947250ecb23a4> (дата обращения: 26.10.2023).

³ Банникова Т. И., Вологжанина Г. П., Говоров А. Ф. и др. Надежда Чумакова: сборник статей и очерков; сост. А. Ф. Говоров. Рязань: Ситников, 2012. 279 с.

нистских утопий по переделке всего социального уклада.

Новая архитектура продолжает развивать зародившийся в эпоху модерна принцип «форма следует за функцией». Доминирующие течения — конструктивизм и функционализм с их отказом от архитектурного декора. Средством выразительности выступает сама по себе композиция геометрически четких объемов.

Послереволюционная разруха и утрата Рязанью статуса областного центра привели к тому, что строительство новых зданий свелось к минимуму. В немногих примерах новой архитектуры Рязань продолжает проявлять себя как консервативный город.

Первая рязанская пятиэтажка (Первомайский пр-т, 12/16) выпускника ВХУТЕМАСа и главного архитектора города А. Д. Сошкина [3] калькирует иконическое для эпохи авангарда здание Моссельпрома. Тем самым автор уже изменяет принципу «форма следует за функцией»: здесь на первом месте подражающая форма, которая должна транслировать идею новаторства и столичности. Моссельпром стал культовым во многом из-за своего цветового и графического оформления, созданного А. М. Родченко и В. Ф. Степановой. В его базе лежит надстроенный дореволюционный доходный дом, лишенный декора. В теплом колористическом решении рязанское здание затерялось в ряду купеческой застройки.

Более новаторские принципы пространственной организации мы видим в архитектуре домов жилищно-арендного кооперативного товарищества (ЖАКТа) им. Ухтомского (Первомайский пр-т, 32/9, 34, 40) конца 1920-х — начала 1930-х гг. Это первый пример строчной жилой застройки в Рязани, где нельзя выделить главный и второстепенный фасад. Городские планировщики начала XX в. были увлечены идеей города-сада. Большое значение в послереволюционные годы придавалось и общественным пространствам

как месту идеологически верного коллективного досуга трудящихся: во дворе-саде ЖАКТа в первые годы ставились спектакли, а также была устроена детская площадка.

Одно из самых эффектных зданий предвоенных десятилетий в Рязани — постконструктивистский клуб Деревообделочного завода (Первомайский пр-т, 16), возведенный на месте нескольких дореволюционных усадеб. В тренде поворота к освоению классического наследия, обозначившегося в начале 1930-х гг., здание возвращает себе упрощенный ордер и декор. При этом в традиции авангарда оно komponуется из простых ассиметричных объемов. Согласно принципу «изнутри наружу», сценическая коробка не прячется, а, напротив, акцентируется и добавляет разнонаправленную динамику. Частично отступая от красной линии, здание клуба формирует небольшую площадь, а задний фасад в парадности не уступает ориентированному к улице. Клуб деликатно вписан в линию исторической застройки: почти вплотную стыкуется с соседними зданиями, большей частью держится красной линии, а карниз над портиком, подстроенный по высоте с венчающим карнизом соседнего здания, как бы нивелирует перепад в высоте их фасадов.

Ряд исследователей в постконструктивизме и «сталинском неоклассицизме» усматривают «полупостмодернизм», который, благодаря влиянию авангарда, пришел в СССР раньше, чем в США и Европу [4]. В архитектуре вышеупомянутого клуба мы видим такие постмодернистские черты, как вольное обращение с классическим ордером и контекстуальность [5].

Поворот к освоению классического наследия совпадает с установлением тоталитарного политического строя в СССР. Монументальная историзирующая архитектура должна была выражать силу и устойчивость государственной власти, опирающейся на многовековую традицию. Пропаганда рассказывала о небывалых успехах советской власти, в том

числе о повышении качества жизни простого гражданина. Архитектура как часть пропаганды должна была стать максимально понятной обывателю [6]. Подобно большим стилям прошлого, ей присуща ансамблевость и набор универсальных приемов, которые выступают средствами гармонизации среды. Возвращается типология доходного дома в виде «сталинок», которые формируют красные линии улиц. В общественных зданиях архитекторы обращаются к типологии античного дворца или храма [7] — они требуют перед собой хотя бы небольших парадных площадей. Детские учреждения и учреждения здравоохранения часто размещаются в центре зеленой зоны и отделены от улицы парковой оградой. С целью наращивания объемов строительства массово начинают применяться типовые проекты.

Долго остававшаяся глубоко провинциальной Рязань только в конце 1940-х гг. начинает развиваться как культурный, образовательный и промышленный центр.

Крупнейшим из реализованных ансамблей стал участок Первомайского проспекта между двумя путепроводами. Здесь новые линии домов не замещают собой дореволюционную застройку бывшей Троицкой слободы, а оставляют ее за фасадами — красные линии смещаются ближе к оси дороги. Стилистически архитектура «сталинок» как бы следует сохранившейся дореволюционной застройке Первомайского проспекта. Характерно, что в эти годы конструктивистские дома ЖАКТа дополняются классическим декором для большей вписанности в застройку проспекта.

В ряде случаев типовые неоклассические здания точно замещают собой исторические. Скромное здание АТС (ул. Ленина, 61) попадает в высотность соседних дореволюционных домов, а его «советскость» выдает только символика в декоре. Иначе в случае со зданием универмага (позднее — Детский мир, ул. Соборная, 38): помпезное трехэтажное здание выглядит чужеродно рядом с купеческими особняками.

Самое масштабное и эффектное здание эпохи «сталинского ампира» в центре Рязани — Дворец пионеров (ул. Есенина, 46). Здесь мы видим реализацию нового архитектурно-пространственного типа советского дворца, сочетающего в себе горизонтальное простирание и вертикальную иерархичную организацию, образ маяка-светоча, а также свойственный античной и классицистической архитектуре образ Акрополя [7]. Под дворец был отведен практически целый квартал в границах улиц Есенина, Вознесенской, Щедрина и Садовой с их деревянной застройкой, от которой он отделен «буферной зоной» парка.

С постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 04.11.1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» формально начинается эпоха «советского модернизма». Поощряется обращение к западному опыту, где после войны господствует интернациональный стиль. Важнейшим аспектом городского развития является введение новой жилплощади. Архитекторы работают над типовыми проектами, реализуемыми методом индустриального домостроения, и над их привязкой к местности в рамках микрорайонов. В этой работе отсутствует такое понятие как «контекст».

Архитектура «оттепели» (1956–1968 гг.), вдохновленная космическими успехами Советского Союза, пронизана идеей устремленности в будущее. Главным ее символом стал Новый Арбат в Москве, прорубавшийся через массивы «малоценной» [8] внутриквартальной застройки. Лишь когда дело дошло до сноса древнего храма Симеона Столпника, стройку остановили, и храм решено было сохранить. Была признана необходимость при перестройке городов сохранять по крайней мере наиболее древние и ценные объекты⁴. Лишенные исторического окружения памятники старины уподоблялись макетам

⁴ Архитектор Владимир Леонидович Сытых: двадцать лет творческой деятельности, 1968–1988. Рязань, 1989. 70 с.

и на контрасте старого и нового «обнаруживали толщу пласта времен» [8].

1953–1964 гг. отмечены очередной волной уничтожения храмов. Реакцией на стремительную утрату исторической застройки городов стало усиление в обществе консервативных настроений и образование неформальных сообществ, на базе которых в 1965 г. было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

Данные тенденции не обошли стороной и Рязань. Полностью или частично были разрушены около двух десятков храмов [9]. Особенно заметны утраты церквей, бывших доминантами площадей. Застроенные по периметру типовыми жилыми и общественными зданиями, эти площади так и не получили выразительного архитектурного решения.

В отдельных случаях новые дома не просто замещали собой исторические, но и формировали новые видовые раскрытия и ансамбли. Так, ради строительства минималистичного здания главпочтамта (ул. Почтовая, 49) и организации площади перед ним в 1960–1962 гг. было уничтожено несколько домов ансамбля улицы Почтовой, построенных в XVIII–начале XX вв. Такая «расчистка» создала знакомое нам эффектное раскрытие Почтовой с Астраханского моста, чему ранее мешали непарадные фасады, которые традиционно ориентировались к примыкающей долине реки Лыбедь.

С 1960 г. начинается постановка на государственную охрану объектов культурного наследия на территории Рязани. До 1990-х гг. в реестр попадают только наиболее примечательные из них: уцелевшие церкви, очевидно выдающиеся здания, а также дома, связанные с известными земляками.

К концу 1960-х гг. партийной критике были подвергнуты «монотонность и однообразие застройки». Предлагалось «возродить на новых основах специфические черты архитектуры городов» и «найти современные

средства выражения национального характера архитектуры народов России» [4]. Для важных общественных зданий стало допустимым разрабатывать индивидуальные проекты. С запада, куда усталость от интернационального модернизма пришла чуть раньше, в советскую архитектуру постепенно проникают веяния постмодернизма, экспрессионизма и брутализма. В 1970-е гг. «советский модернизм» тяготеет к большей монументальности и региональному разнообразию.

Политика, задаваемая центральными руководящими органами, отражалась в риторике местных управленцев. «Что скрывать — наделали в свое время ошибок, зато теперь без разрешения горисполкома ни один камень не тронут. Мы будем застраивать исторический центр города преимущественно административно-общественными зданиями и учреждениями соцкультбыта, сооружаемыми по индивидуальным проектам на конкурсной основе, после согласования со всеми заинтересованными лицами и организациями, в том числе с Министерством культуры и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры». «Историческая застройка нашего центра уникальна, и всякое неосторожное непродуманное вмешательство может нарушить эту целостность. Но кое-что изменить, расчистить, убрать старые развалюхи нужно»⁵ (Н. Н. Чумакова, председатель Рязанского горисполкома, 1963–1986 гг.).

Как пример «правильной» застройки центра Чумакова приводит Рязанский цирк, Дом быта и Театр кукол, возведенные на месте деревянной и каменной рядовой застройки. В основе они имели типовые проекты, более или менее переработанные местными архитекторами. Нестандартная точка восприятия цирка, размещенного в долине реки Лыбедь, подтолкнула к большей декоратив-

⁵ Ревзин Г. Между СССР и Западом. URL: <https://archi.ru/russia/7019/mezhdu-sssr-i-zapadom-grigorii-revzin> (дата обращения: 28.10.2023).

ности купола. В случае Дома быта типовая коробка была дополнена стилобатом, который держит красную линию и высотность исторической застройки ул. Ленина.

Наиболее оригинальным, целостным и выразительным получился замкнутый на себя ансамбль на ул. Есенина: Театр кукол, институт Рязаньгражданпроект, жилая 16-этажка и террасированное благоустройство с фонтаном. Лаконичные модернистские объемы театра дополнены порталом, пластика которого тяготеет к архитектуре экспрессионизма, сказочными постмодернистскими фонариками, а также каменной облицовкой и бетонными панелями с растительными орнаментами — отсылка к русскому белокаменному зодчеству⁶.

Максимально радикальное перекраивание городской ткани в историческом центре Рязани произошло на излете советской эпохи: монументальное здание обкома (ул. Соборная, 20) уничтожило два исторических квартала и перекрыло ул. Некрасова. Типология регионального «дворца советов» была разработана еще в середине 1970-х гг. и с некоторыми вариациями повторялась в десятках городов. В рязанском здании, дошедшем до реализации только в 1985 г., можно усмотреть средовую адаптацию: нехарактерное для типологии белокаменно-краснокирпичное решение — отсылка к Успенскому собору Рязанского кремля, находящемуся в прямой зоне видимости.

В 1970-е гг., анализируя причины неприятия современной архитектуры в центре Москвы, А. Э. Гутнов формирует концепцию «средового подхода»: отторжение вызывает не новая архитектура как таковая, а несоблюдение исторически сложившихся законов построения города. Возникла идея создания архитектуры, которая была бы современна западной, при этом полностью сохраняла бы дух

старой Москвы прошлого века⁷. В советское время эти идеи практически не удалось реализовать. Ряд исследователей считают «средовой подход» локальной версией контекстуализма — одного из течений в рамках западного постмодернизма, которым были увлечены многие позднесоветские архитекторы [5].

В 1985 г. был разработан новый генеральный план Рязани, где город впервые позиционировался как туристский центр. Вместе с ним создавался «Проект зон охраны памятников истории и культуры» — предлагалось сохранить исторически сложившегося центра, а также консервация общегородских панорам и исторических ландшафтов [9].

К середине 1980-х гг. относится, пожалуй, лучший пример контекстуализма в историческом центре Рязани — технический корпус КГБ (ул. Ленина, 48). Возведенное на месте деревянного дома между советской библиотекой им. Горького и дореволюционной гостиницей Штейерта новое здание соединяет в себе их характерные черты: от библиотеки взят четкий ритм и вертикальное членение окон, от гостиницы — литой бетонный декор с орнаментом в стиле модерн. Здание отступает от красной линии фасадом, но держится монументальной оградой палисадника; таким образом формируется «ступенька» между стоящей по красной линии гостиницей и заглубленной библиотекой.

В 1980 гг. идеи и образы постмодернизма все более увлекали советских архитекторов. В конце 1980-х гг. игривые псевдоисторические элементы можно увидеть в доработке типовых жилых домов (ул. Фрунзе, 25). Но в полной мере архитекторы смогли проявить себя только после 1991 г. с появлением частного заказчика и востребованностью авторской архитектуры. На тихих улицах в центре Рязани вместо деревянных домов вырастают индивидуальные и малоэтажные многоквартирные

⁶ Сенченко С. Д., Верховский Л. Н. Из жизни в жизнь. Рязань: ПервопечатникЪ, 2016. 147 с.: ил.

⁷ Ревзин Г. Между СССР и Западом. URL: <https://archi.ru/russia/7019/mezhdu-sssr-i-zapadom-grigorii-revzin> (дата обращения: 28.10.2023).

ные дома, архитектура которых отражает фантазийное представление о европейской жизни.

Примеры контекстуальной постсоветской постмодернистской архитектуры можно увидеть среди работ архитектора А. Н. Живайкина. Здание банка на улице Почтовой представляет собой вольную интерпретацию стиля модерн, буквально мостик между «хрущевкой» и дореволюционной застройкой улицы. Жилой дом на ул. Полонского также цитирует модерн, перекликаясь с домом купца П. Ф. Лебедева через дорогу. А за счет заглибленного мансардного этажа фасад нового здания попадает в высотность соседней «сталинки» — корпуса Рязанского государственного университета.

1990–2000-е гг. для архитекторов — эпоха реванша за десятилетия ограничений: в дискуссии об архитектурном решении будущей пристройки к библиотеке им. Горького вчерашний советский архитектор И. И. Сенченко советовал младшим коллегам поменьше ориентироваться на ее «типовой» фасад⁸. Еще один пример «отмены модернизма» — застройка партера перед зданием обкома (теперь Центробанка): новое здание Музея-заповедника вернуло дореволюционную красную линию ул. Соборной и плотность среды, но уничтожило видовые раскрытия самого масштабного общественного здания советской эпохи в Рязани. Изначально предложенное решение музея, основанное на контрасте стеклянных объемов и псевдоисторических фасадов, под влиянием местного сообщества сместилось в сторону псевдоисторизма.

Выводы

Процесс застройки исторического центра Рязани в XX в. подчинялся общесоюзным веяниям и трендам, формировавшимся в Москве (с небольшим отставанием и поправкой на консервативность региональных вкусов). Смену этих трендов можно описать как вол-

нообразные колебания между модернизмом (авангард, «советский модернизм») и историзмом («сталинский неоклассицизм», постмодернизм). При этом даже историзирующая архитектура выражала идеи своей эпохи и не ставила целью мимикрировать под существующую историческую застройку.

Использование классицистических форм само по себе не гарантировало органичной интеграции новых объектов в историческую застройку. Средством гармонизации среды в эпоху «сталинского неоклассицизма» выступала в первую очередь ансамблевость. В отдельных случаях данный подход встречается и в архитектуре «советского модернизма».

Архитекторы XX в. даже в эпоху типового строительства применяли различные методы средовой адаптации: согласовывали фасадное членение с прилегающей застройкой, соединяли в новом здании стилистику и пластические принципы прилегающих объектов, работали с природным ландшафтом, давали отсылки к цвету и материалу находящихся рядом исторических зданий и т. д.

В регламенте исторического поселения Рязани предлагается при проектировании новых объектов ориентироваться на «идеальный контекст» — обобщенное представление о застройке, характерной для исторического центра. Основываясь на проведенном ретроспективном анализе, рекомендуем для формирования качественной и гармоничной среды учитывать требования данного документа при проектировании объектов в историческом центре, а именно: давать установку на работу с непосредственным зримым городским контекстом во всем его многообразии.

Библиографический список

1. Гуменюк Л. С. Памятник и общество: история против архитектуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. № 3. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18079900> (дата обращения: 24.10.2023).

⁸ Сенченко С. Д., Верховский Л. Н. Из жизни в жизнь. Рязань: ПервопечатникЪ, 2016. 147 с.: ил.

2. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Рязанская область: в 4 ч. Ч. 1. Отв. редактор В. И. Колесникова. М.: Индрик, 2012. 876 с.

3. Князева М. В. Городские архитекторы советского периода. Краткие биографии // Архитектор и его время. Памяти архитекторов В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, Н. И. Воронихина: материалы науч.-практ. конф. Центрального федерального округа. Рязань, 23–25 октября 2012 г. Рязань: РИАМЗ, 2012. С. 98–108.

4. Богомолова М. А. Вторая волна постмодернизма в отечественной архитектуре // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 9 (63). С. 49–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-volna-postmodernizma-v-otechestvennoy-arhitekture> (дата обращения: 21.10.2023).

5. Поповский И. В., Серикова Ж. С. Общие и различные черты в теории контекстуализма средового подхода // Творчество и современность. 2019. № 3-4 (11). С. 41–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-i-razlichnye-cherty-v-teorii-kontekstualizma-sredovogo-podhoda> (дата обращения: 21.10.2023).

6. Лосева Е. С. Выражение тоталитарной государственной стратегии в российских архитектурно-символических практиках периода 1930–1950-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 2, ч. 2. С. 46–49. URL: <https://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo/2011-2-chast-2/46-49?language=ru> (дата обращения: 21.10.2023).

7. Янушкина Ю. В. Архитектура Сталинграда 1925–1961 гг. Образ города в культуре и его воплощение. Волгоград: ВолгГАСУ, 2014. 201 с.: ил.

8. Иконников А. В. Архитектура Москвы. XX век. М.: Московский рабочий, 1984. 222 с.

9. Князева М. В. История генерального планирования провинциального российского города: замыслы и реализация: (1780–1991 гг., на примере г. Рязани): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 : М., 2013. 279 с.

References

1. Gumenyuk L. S. *Pamyatnik i obshchestvo: istoriya protiv arkhitektury* [Monument and society: history vs. architecture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*, Ser. 6, 2012, no. 3, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18079900> (accessed: 24.10.2023).

2. *Svod pamyatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Ryazanskaya oblast'* [Code of monuments of architecture and monumental art of Russia. Ryazan region]. In 4 pts. Pt. 1. Ed. by Kolesnikov V. I. Moscow, Indrik Publ., 2012, 876 p.

3. Knyazeva M. V. *Gorodskie arkhitektory sovetskogo perioda. Kratkie biografii* [Urban architects of the Soviet period. Brief biographies]. *Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii Tsentral'nogo federal'nogo okruga Ryazan', 23–25 oktyabrya 2012 g. «Arkhitektor i ego vremya. Pamyati arkhitektorov V. I. Bazhenova, M. F. Kazakova, N. I. Voronikhina»* [Proceedings of the scientific-practical conference of the Central Federal District Ryazan, October 23–25, 2012. “Architect and his time. In memory of architects V. I. Bazhenov, M. F. Kazakov, N. I. Voronikhin”]. Ryazan, RIAMZ Publ., 2012, pp. 98–108.

4. Bogomolova M. A. *Vtoraya volna postmodernizma v otechestvennoy arkhitekture* [The second wave of postmodernism in Russian architecture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 9 (63), pp. 49–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoraya-volna-postmodernizma-v-otechestvennoy-arhitekture> (accessed: 21.10.2023).

5. Popovskiy I. V., Serikova Zh. S. *Obshchie i razlichnye cherty v teorii kontekstualizma sredovogo podkhoda* [Common and different features in the theory of contextualism of the environmental approach]. *Tvorchestvo i sovremenost' – Creativity and Modernity*, 2019, no. 3-4 (11), pp. 41–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-i-razlichnye-cherty-v-teorii-kontekstualizma-sredovogo-podhoda> (accessed: 21.10.2023).

6. Loseva E. S. *Vyrazhenie totalitarnoy gosudarstvennoy strategii v rossiyskikh arkhitekturno-simvolicheskikh praktikakh perioda 1930–1950-kh godov* [Expression of totalitarian state strategy in Russian architectural and symbolic practices of the period of the 1930–1950-s]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Bulletin of the Saratov university. New series. History series. International relations*, 2011, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 46–49. Available at: <https://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo/2011-2-chast-2/46-49?language=ru> (accessed: 21.10.2023).

7. Yanushkina Yu. V. *Arkhitektura Stalingrada 1925–1961 gg. Obraz goroda v kul'ture i ego voploshchenie* [Architecture of Stalingrad 1925–1961. The image of the city in culture and its embodiment]. Volgograd, VolgGASU, 2014, 201 p., with ill.

8. Ikonnikov A. V. *Arkhitektura Moskvy. XX vek* [Architecture of Moscow. XX century]. Moscow: Moskovsky Rabochiy Publ., 1984, 222 p.

9. Knyazeva M. V. *Istoriya general'nogo planirovaniya provintsial'nogo rossiyskogo goroda: zamysly i realizatsiya: (1780–1991 gg., na primere g. Ryazani)*. Diss. kand. istor. nauk [History of general planning of a provincial Russian city: plans and realization: (1780–1991, on the example of Ryazan). PhD in Sci. Hist. diss.]. Moscow, 2013, 279 p.